

Петр Алексеевич Чистяков
в год окончания Духовной Академии. 1903

ХАРБИНСКИЕ ПИСЬМА П.А.ЧИСТЯКОВА

В интервью Веры Бутиной «Малиновый Плат» упоминалась встреча ее отца с русским эмигрантом Петром Алексеевичем Чистяковым. Человек незаурядной судьбы, Чистяков родился, предположительно, в 1879 году в семье священника в Смоленской губернии. Там он учился в семинарии, и в дальнейшем продолжил образование по богословской линии. В 1903 году Петр Чистяков окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию.

По воспоминаниям современников Чистяков был интеллигентным, широко образованным, обладал тонким душевным складом. Помимо нескольких европейских, он хорошо знал древние языки. В подлиннике на латинском читал оды Горация, «Энеиду» Вергилия, на греческом — Гомера, его знаменитую «Одиссею». Настольной книгой являлась Библия на древнееврейском языке. Для своего кандидатского сочинения по богословию Чистяков избрал тему «Оптимизм Лейбница и его оценка с христианской точки зрения». Рецензент назвал это сочинение «стройным по содержанию, изящным по изложению и заслуживающим почетного отзыва».

По окончании Духовной Академии молодой человек не пошел дальше по священническому пути. Он женился и уехал работать на Дальний Восток. Практически вся его жизнь прошла в Маньчжурии. В Харбине поступил на службу в управление Китайско-Восточной железной дороги на должность младшего чиновника и постепенно дослужился до заведующего коммерческим отделом. И все эти годы Чистякова не покидала тяга к духовному поиску. Сначала он стал членом Ордена Розенкрейцеров, посещал собрания, делал переводы книг. Потом интересовался теософией и «тайноведением». Наконец принял учение Живой Этики.

В 1922 году Чистяков по делам КВЖД приехал в командировку в Америку и там встретился с Н.К.Рерихом (знакомы они были еще по Петербургу). По возвращении в Харбин он создал духовный кружок, в который вошли Владимир Константинович Рерих, брат художника, и Василий Николаевич Грамматчиков. Началась доверительная переписка с Николаем Константиновичем и его женой, Еленой Ивановной.

Редакция предлагает читателям избранные письма П.А.Чистякова. Они предоставлены для публикации Музеем Николая Рериха в Нью-Йорке. К сожалению, ответные письма Рерихов не сохранились, кроме единственного, автограф которого воспроизводится на страницах журнала.

Харбин, 1 апреля 1923

Дорогой Николай Константинович,

Много раз я собирался написать Вам и сообщить обо всем, что со мной произошло за последний год, и всякий раз не находил в себе достаточной бодрости для этого: слишком уныла жизнь и постоянная тоска в душе...

Теперь скажу Вам вкратце о себе. Вернувшись из Америки, я положительно не узнал своего «родного» Харбина. За время семимесячного пребывания моего в Америке, в Харбине произошли три основных перемены:

1. В составе населения Харбина явное преобладание и по численности, и, главное, по стремлению руководить общественной жизнью Харбина и создавать ему как можно скорее физиономию чисто китайского города получили русские беженцы, второпях проглядевшие значение Харбина для будущей (настоящей) России и, в погоне за временным убежищем от большевиков, бросившимися в цепкие объятия китайцев. Если припомните, одной из причин основных расхождений моих с администрацией дороги, командировавшей меня без определенных официальных инструкций в Америку, явился именно вопрос о том, кого нам, при нашем бессилии, держаться: Китая, условного участника нашего в предприятии, или консорциума иностранных держав. В то время, когда я с большим трудом старался убедить Бахметьева¹ и Угета², что без Стивенса нас моментально проглотят китайцы и что наше опасение лежит в организации международной опеки над дорогой (идею которой горячо поддерживал и Стивенс), в Харбине русские администраторы дороги устраивали уличные китайские демонстрации протеста против вмешательства в дела дороги Междусоюзного Технического Комитета, возглавляемого Стивенсом, а в Вашингтон летели Бахметьеву телеграммы — «лучше с китайцами, чем со Стивенсом».

2. Экономический кризис поразил Харбин как-то внезапно и крайне болезненно отразился на всех сторонах жизни недалёковидных харбинцев. Лопались и закрывались одно за другим самые солидные, казалось бы, предприятия (по газетной статистике во вторую половину 1921 и первую половину 1922 года в одном Харбине закрылось до тысячи различных торговых и промышленных предприятий). Неожиданно оказались без куска хлеба масса служащих и рабочих прогоревших предприятий, а наряду с этим из советского рая всякими правдами и неправдами просачивались в Харбин всё новые и новые потоки беженцев. Нищета и голод породили ряд пороков и преступлений, не виданных до того времени в сытом Харбине. Полицейская хроника запестрела русскими фамилиями. С горьким чувством стыда и обиды приходилось наблюдать за теми мерами, какие китайская полиция Харбина (русская администрация дороги из приезжих с легким сердцем отказалась в пользу китайцев от договорного права «исключительного и абсолютного» по «администрированию полосы отчуждения дороги») начала принимать против выведенных голодом и отчаянием на преступление русских граждан. Все мы живем теперь в Маньчжурии по китайским паспортам, подчиняемся китайским законам и должны быть всегда готовы к тому, что китайцы начнут тем или иным способом освобождать свою территорию от излишнего русского населения.

3. Ускоренная «китаизация» Харбина при условиях, о которых я уже упомянул, проходила без всякой помехи со стороны русской администрации дороги, нахо-

дившей, что такая китаизация представляет наиболее надежную охрану дороги от поползновений красной России. В первые же дни по возвращении моем в Харбин я должен был наблюдать, как одетые в ватные кофты несуразные полисмены-китайцы винтовочными прикладами приучали русских извозчиков держаться левой стороны улиц, потому что новому китайскому полицеймейстеру вздумалось вопреки укоренившемуся обычаю развесить на столбах грубо остроганные дощечки с надписью: «всем ходить по левой стороне». Вслед за тем появилось «обязательное постановление» китайцев о том, чтобы все русские предприятия Харбина под угрозой штрафа обзавелись китайскими вывесками. Еще раньше того над зданием Правления и Управления дороги взвился никому неведомый, специально выдуманный флаг, представляющий в верхней своей диагонали пять цветных полосок китайского национального флага, а в нижней — старый русский трехцветный флаг, испещренный, однако, крупными инициалами дороги. Флаг создан специально для того, чтобы подчеркнуть, что КВЖД отныне является китайско-русским предприятием. С таких, по-видимому, мелочей, касавшихся внешнего облика города, устремились китайцы восстанавливать свой суверенитет, попиравшийся безнаказанно во всем согласно с договорами старым русским правительством. Разумеется, китаизация не ограничилась внешностью Харбина. В середине прошлого года китайцы, несмотря на протесты местного консульского корпуса, подняли свой флаг над городским самоуправлением. В Управление дороги посадили во все службы и отделы помощников начальников служб из китайцев, со штатом переводчиков и секретарей при каждом. В области судопроизводства также наспех уничтожали всякие остатки русского влияния, русских обычаев, русского языка. Нам бросалось в глаза в особенности то странное явление, что местные исполнители предначертаний китайской власти в большинстве случаев по собственной инициативе переходили границы этих предначертаний в борьбе с русским влиянием. Так, довольно продолжительный период русские адвокаты лишены были права выступать на судах в защиту русских подданных: нужно было обращаться обязательно к китайским поверенным. Последних в Харбине до того времени не было почти вовсе, так как в полосе дороги действовали смешанные русско-китайские суды, где обычно даже с китайской стороны выступали русские поверенные. Спешно приглашены были Китайские адвокаты из... южных провинций Китая, ибо первый председатель судебной палаты в Харбине оказался южанином. Вскоре выяснилось, что приезжие китайцы-адвокаты получили монопольное право выступать в судах, так как судьи-южане не совсем хорошо понимали северное наречие китайского языка. При таких условиях русскому населению не оставалось ничего иного, как платить бешеный гонорар адвокатам-монополистам, либо отказываться от всякой перспективы иметь защиту своих прав в китайском суде. В конце концов, выяснилась вся подоплека этой истории, председатель был с конфузом удален, а пекинское министерство юстиции поспешило разъяснить, что русские адвокаты лишены права выступать в китайском суде по делам лишь иностранцев, по делам же русских подданных им и не возбранялось выступать. (Нужно отметить, что «иностранцы», даже самые захудалые, имеют защиту у своих консулов и никогда в китайский суд не обращаются.) Преемником неудачного председателя палаты был назначен бывший китайский консул во Владивостоке, уличенный в свое время в самом беззастенчивом взяточничестве. На днях его внезапно сменили, и я подозреваю, что здесь тоже не обошлось без конфуза для китайского правосудия.

На дороге я застал тоже огромные перемены. Вся энергия новой администрации оказалась направленной исключительно к внешней, казовой стороне дела. Взамен капитального ремонта сооружений стала практиковаться штукатурка и покраска гнилых зданий. Бесхозно истрачены были большие суммы денег на приведение в веселый вид фасадов наших квартир, в которых зачастую оказывались дырявые полы и развалившиеся печи. Со сказочной роскошью отделялись вагоны и целые поезда-люкс для проездов знатных иностранцев, открывались на пустых до того времени станциях целые курорты, на которых публика бывала только в дни их открытия. А в это же время у кассы дороги кончали жизнь самоубийством ее старые пенсионеры, которым месяцами задерживали по недостатку средств выплату их крохотных пенсий. К отчетному собранию акционеров изготовлялся очень хитро составленный баланс, в котором указывалось, что дорога получила в прошлом году свыше пяти миллионов прибыли, а служащие дороги за весь отчетный год, кажется, ни разу не получили жалованья своевременно. Попытки прессы указать на дефекты нового управления дорогой кончились позорно: прессу умело закупили, а на случай ее восстания заручились содействием китайской полиции, которая, впервые в истории Китая, стала закрывать негодные русские издания. Не к чести, впрочем, русской прессы нужно отметить, что всякого харбинского газетного работника всегда можно либо напугать высылкой в Совроссию, либо купить за не особенно дорогую плату. Мизерный газетный заработок в Харбине, где за год расплодилось до дюжины новых газет, не дает работникам пера особого мужества, и судить их, пожалуй, я не берусь. Во всяком случае, никогда у нас в Харбине не было такой пошлой, низкопробной, продажной прессы, как теперь. Достаточно, хотя бы, указать на то, что в прошлом году на страстной седмице одна из существующих и поныне русских газет напечатала «Гаврилиаду» Пушкина, и китайской полиции пришлось напомнить редактору, что неприлично-де в Страстную седмицу преподносить публике в виде фельетона заведомую порнографию.

Кроме перемены во внешних условиях жизни, у меня вскоре по возвращении из Америки обнаружилась чисто субъективная перемена. Поездка в Америку внезапно разомкнула тесный круг моих интересов и указала мне всю ограниченность моего жизненного опыта, всю примитивность моих стремлений. Контраст был так велик, что даже красочная Япония после Америки показалась мне маленькой грязной деревушкой, а окитаенный Харбин первое время вызывал во мне чисто физиологическое отвращение. В мае месяце прошлого года я подал прошение об отставке и начал готовить свои многочисленные отчеты. Работа эта мною намеренно затягивается до самого последнего времени, так как время оказалось моим лучшим судьей и защитником. Начать с того, что в мое отсутствие, как и следовало ожидать, были распространены обо мне самые невероятные сплетни, и каждая из них постепенно тает без следа. Точка зрения, которую я поддерживал в Вашингтоне, оказывается теперь единственно приемлемой, так как теперь всякому ясно, что, поставив свою карту на китайцев, мы ничего не выиграли и рискуем тем, что, в случае признания Китаем Советской власти, дорога автоматически отойдет России, а всем не мирящимся с советским режимом придется искать себе новое убежище. Существую я пока тем, что дает мне скромно начатое небольшое предприятие по торговле с Германией.

Идея учреждения в Харбине на американские средства университета для русских студентов особого сочувствия здесь не встретила. Причина этого — самая

прозаическая: в Харбине уже влачат свое существование зародыши высших школ — технической (так называемый Русско-Китайский Техникум), юридической (Экономико-Юридические Курсы) и медицинской (Медицинские Курсы). Во главе их стали в свое время доморощенные ученые, не имеющие никакого права преподавать в высших школах. Для наших директоров, разумеется, не было никакой выгоды пропагандировать обращение к американской помощи, ибо это означало бы одновременно и конец их ученой карьеры. Когда я на первых порах все же пытался пробудить интерес к идее обращения к американской помощи и приглашения из-за границы (настоящих) русских профессоров, один из «директоров», близкий к новой администрации дороги, заявил мне, что китайцы не позволят открыть на своей территории русского университета, так как это нарушало бы их суверенитет. Я понял, что это означает, и уже не пытался разубеждать своего собеседника. Однако, неопределенные слухи о проекте приглашения из-за границы русских профессоров в Харбин вскоре проникли в среду самой учащейся молодежи, и летом прошлого года в среде студенчества возникло «мятежное» движение в пользу замены некоторых заведомо никчемных «профессоров» настоящими учеными, выписанными из Америки или Европы. Организована была студенческая депутация к Попечителю Техникума Гондатти³ (непосредственное начальство Владимира Константиновича⁴). Тот усмотрел в просьбе молодежи открытый бунт и раздраженно заявил им, что раз они не желают заниматься своим делом, им придется прокатиться в Советскую Россию. Острота положения значительно теперь смягчилась, после того как Америка открыла сравнительно свободный въезд для русских студентов.

Несмотря на тяжелые условия жизни (вернее, быть может, именно благодаря этим условиям), в русском обществе заметно развилось за последнее время стремление к мистицизму. У большинства славянских натур это стремление вылилось в очень несложную форму какого-то созерцательного фатализма, довольствующегося убеждением, что судьба каждого из них, как и судьба целого народа, заранее предначертана каким-то роком, бороться с которым бесполезно. Единственная отрада таких людей — попытки отогнуть хоть краешек покрывала, отделяющего их от будущего. Никогда еще не было в Харбине такого количества различных гадалок, хиромантов, астрологов и просто шарлатанов, как в настоящее время. На днях я был поражен до крайности, узнав случайно, что болезненная жажда знать будущее охватила не одно только бесприютное русское население, но и массы благополучных китайцев. Интересно при этом то, что наша славянская душа не прочь при всем своем фатализме схитрить и с судьбой. Редкому из русских (за исключением натур явно неуравновешенных) придет на ум, выслушав какое-нибудь печальное предсказание, упреждать события и класть голову на рельсы. Иначе относятся к предсказаниям своей судьбы китайцы. Один из хороших моих знакомых, солидный купец-китаец на днях заявил мне о том, что он временно прекращает свое дело и уезжает на два года на родину, так как какая-то китаянка-предсказательница, уже не один раз предрекавшая ему вполне точно его будущее, открыла ему, что до сорокалетнего возраста он будет работать для других и что настоящий деловой успех ожидает его только на сорок первом году. Так как купцу теперь только тридцать восемь лет, он добровольно и безропотно решил устраниваться на два года от деловой жизни!

На фоне этого чисто обывательского мистицизма выступают, впрочем, нередко и более глубокие попытки найти истину. Вы, вероятно, уже знаете о возникновении

на Дальнем Востоке целой сети отделений Теософического общества. Владивостокское Теософическое общество издавало в 1921-1922 гг. довольно хороший журнал «Новые Мысли, Новые Пути». Самостоятельных статей в этом журнале было, правда, весьма немного, зато давались в приличных переводах труды Безант, Ледбитера, Штейнера, Шюрэ и т.п. Даже маленькая русская колония в Ханькоу обзавелась собственным теософским журналом, в котором самостоятельных вещей я совсем уж не видел. Летом прошлого года появилось Теософическое общество и у нас в Харбине. За недостатком руководителей особого успеха оно не имеет, хотя на собрания публика является необыкновенно охотно. На собраниях читают обыкновенно кого-нибудь из «классиков» теософической литературы и затем происходят дискуссии по поводу прочитанного. По своему замкнутому характеру я вообще враг многоязычных обществ и на собрания местного теософического общества меня совсем не тянет.

С осени прошлого года я принялся изучать «Тайную Науку» Блаватской. Временами чтение этой книги доставляло мне истинное наслаждение и заставляло забывать неприглядную действительность. Спасибо большое Елене Ивановне, что посоветовала мне в Нью-Йорке достать эту книгу.

Значение труда Е.П.Блаватской стало мне в особенности понятно после прочтения небольшой книжки Гольденберга «Антропософское движение и его пророк» (Русское Универсальное Издательство в Берлине). Книжка Гольденберга посвящена Штейнеру, главе антропософского движения в Европе, и содержит краткий обзор характеризующих новое направление доктрин. Читая книжку Гольденберга, я часто вспоминал слова Ильи Эммануиловича⁵, что вся современная теософическая литература является пережевыванием и развитием в другой форме сказанного Блаватской.

Кажется, в ноябре месяце, ко мне зашел случайно поговорить о Германии один немец-архитектор, очень милый любознательный скромный человек. Разговор коснулся современных настроений в Германии. Я спросил его о Штейнере, о немецкой мистике, немецких франкмасонах. Узнав из разговора со мной, что я серьезно интересуюсь подобного рода вопросами, он обещал познакомить меня с весьма осведомленным в этой области человеком. Через несколько дней ко мне зашел нервный субъект, оказавшийся полковником русской службы, прошедшим два года в германском плену. Разговорились. Отношение моего собеседника и к Блаватской, и к Штейнеру показалось мне каким-то крайне неопределенным, хотя и не оппозиционным. В конце беседы полковник сознался, что он состоит в тайном обществе, совершенно отличном от теософического или антропософического, имени которого он, к сожалению, не имеет права мне сообщать, но которое тесно связано с именем великого учителя Мориа, существование которого, как он понял, прочно вошло в мой символ веры. Общество это возникло в Харбине совсем недавно и насчитывает пока не больше десятка членов. Во главе стоит один голландец, недавно прибывший из Америки, но сам руководитель общества еще состоит в очень невысокой степени и продолжает учиться, получая инструкции из Америки. Гораздо выше его по положению в обществе стоит один немец, беженец из Уфы. Он обладает какими-то необыкновенными способностями, лечит магнетизмом больных, безошибочно определяет характер человека и его прошлое и настоящее по одному ему известным и понятным признакам и т.д. Официальное название этого общества (филоматическое) не определило мне его сущности и давало намек лишь

на то, что центр тяжести работ его членов будет лежать не в самовоспитании (как у йогов и отчасти у теософов), а в расширении знания, которое само есть могучая сила, перевоплощающая человека.

Такой путь к истине показался мне более надежным и, главное, более коротким, чем путь перевоспитания. Я решил, в конце концов, вступить в число членов филематического общества. Этому вступлению должны были предшествовать некоторые формальности, в том числе подача письменного заявления, в котором нужно было ответить на ряд вопросов, касающихся внутренних чаяний и настроений вступающего. Я написал, что даю обещание с уважением относиться к тому, что узнаю в обществе, но оставляю за собой безусловное право отойти от общества, если оно не даст мне того, что я от него ожидаю, или если я приду к убеждению, что путь, каким общество ведет к истине своих членов, излишне длинен. С такими оговорками меня все же допустили к вступлению в общество и предложили проделать довольно сложный ритуал «вступления», состоящий из трех различных церемоний, производимых наедине. Должен оговориться, что все эти подробности о внутренней жизни и организации о-ва составляют тайну для «непосвященных», и я дал слово соблюдать эту тайну от лиц, старающихся узнать ее из простого любопытства. Я не сомневаюсь, что остаюсь лояльным членом общества, сообщая Вам, Посланнику Великого Мастера, то, что люди прикрывают Его именем. Дело в том, что, как Вы изволите сами убедиться из прилагаемой фотографической копии журнальной статьи о Мастере М., филематическое общество или Орден Розенкрейцеров считает своим Верховным Мастером именно М. Ритуал посвящения остался для меня совершенно непонятен и, так как я был все время настроен очень скептически по отношению ко всему, что идет из Америки, мне показалось, что он заимствован из церемониала посвящения в масонскую ложу. Никаких видений или таинственных явлений во время этих церемониалов я не заметил, хотя, судя по тексту церемониалов, я должен был видеть что-то в зеркале, заметить какие-то особенные вспышки огня в курящемся ладане и слышать какие-то мелодии в закрытой отовсюду комнате. О своей неудовлетворенности всем испытанным в течение церемониала я откровенно поведал своему руководителю, который успокоил меня тем, что многие из вступающих тоже не замечают никаких таинственных явлений в продолжение первых ритуалов и что это отнюдь не может служить для меня препятствием к вступлению в орден. Ритуал вступления совершен был в специальном помещении, где-то в подземном помещении, наскоро превращенном в «храм» ордена. Произносились вслух обеты ордена, вполне приемлемые для каждого мыслящего человека, имена наши занесены были в книгу ордена и т.п. Вслед за этим нам предложено было в определенный день недели являться в «храм» и слушать здесь лекции, постепенно раскрывающие пред нами высшую мудрость.

Впечатление от первых же лекций у меня осталось неважное: очевидно, казалось мне, нас либо испытывают, прежде чем дать нам что-то новое и значительное, либо наши руководители должны делать вид, что они что-то знают, и маскировать всячески свое невежество. Наши попытки задавать после лекции вопросы по поводу прочитанного успехом не увенчались: чувствовалось, что руководители наши брели, как и мы, ощупью, и наши вопросы их могли бы поставить в неудобное положение. В самом деле, им ничего не оставалось, как успокаивать нас ссылкой на то, что все наши теперешние недоумения сами собой разрешатся в последующих

лекциях. А до этого времени нам предлагалось усваивать в крайне тяжелом изложении (английский оригинал лекций был в Харбине переведен на немецкий, а немецкий перевод — на русский язык) туманные истины из теории чисел и символики розенкрейцеров. На протяжении нескольких недель я не нашел в лекциях для себя ничего нового. По теории чисел еще более интересные данные можно найти в истории пифагорейской школы, а научное объяснение этим числовым фокусам — в курсе теоретической арифметики Бертрана или Таннери (Жюль Т., брат Поля Т., автора выдающихся трудов по истории и философии математики, в том числе и истории пифагорейской школы).

Серьезная болезнь жены в феврале месяце надолго отвлекла меня от посещения лекций в нашем кружке, и сейчас я стою на распутье: притворяться ли мне и далее верующим в то, что в недрах ордена я приобрету необыкновенно глубокие знания, или искать этих знаний в ином месте. Я говорю — «притворяться», так как пока не видел никаких ясных признаков существования в ордене таких знаний. В Вашей семье в Нью-Йорке я наблюдал, как эти высшие знания преобразили Вашу жизнь, сделали ее чистой, ясной, спокойной. Это обстоятельство и кажется для меня самым большим чудом, о котором я до сих пор слышал. Крайним соблазном для меня было лишь то, что путь общений с существами высшего порядка приводил к необходимости посредников-медиумов. Для нас, здоровых представителей своего цикла, медиумизм кажется явлением патологическим и неприемлемым при разрешении важнейших проблем человеческого бытия.

Как жаль, что нельзя сейчас попросить у Вас и многоуважаемой Елены Ивановны совета и указания: куда идти и что делать?

Я далеко не один нуждаюсь в Вашей мудрости. Владимир Константинович, несомненно, искренно ищет правильного пути к истине. Есть также ряд других лиц, привыкших к внутренней работе и жаждущих новых путей для этой работы. Есть законоучитель Коммерческих училищ, молодой священник — энтузиаст, уверовавший с моих слов в реальность существования Мастера и почувствовавший, что его сан отнюдь не препятствует ему искать с Ним общения. Он прекрасный искренний человек и пользуется среди нашей молодежи и родителей заслуженной любовью и уважением. Есть у нас еще два доктора, оба хирурги с большим стажем. На человека привыкли смотреть свысока — как на мешок, набитый мясом и костями. У одного из них умерла по дороге из Советской России жена, у другого на днях умерла любимая дочь. Личное горе заставило их пересмотреть старый взгляд на человека, а жажда утешения побудила их заинтересоваться миром потусторонним. Оба доктора искренно тянутся теперь к мистицизму. Есть великолепный материал и среди окружающей нас молодежи. Нет руководителя. Помогите нам своими указаниями. Не требуйте только на первых порах фанатичной веры. Аскетизм йогов в нашей среде тоже трудно привить. Дайте нам хоть крупницу чистого знания, не меркнувшего ни пред каким испытанием! У меня и моего друга — священника ум развращен философскими доктринами, и выбить из нас склонность к сомнению и анализу трудно; у Владимира Константиновича, обоих докторов, да и у учащейся молодежи привычка к позитивным методам исследования каждого вопроса.

Во всяком случае, не оставьте нас своим руководством. Особенно хотелось бы нам знать, правильно ли мы поступаем, уклоняясь от активного участия в ордене Розенкрейцеров? Быть может, первые уроки — испытание нашего терпения и нашей настойчивости?

Желаю Вам от души всякого успеха во всех Ваших делах. Искренно преданный Вам.

П. Чистяков.

P.S. Владимир Константинович вчера, 15 апреля, уехал на линию по делам. Сообщил о Вашем письме, которое подняло наш дух. Спасибо за память! Отдельной бандеролью отправляю Вам книжку Гольденберга о Штейнере.

П.Ч.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бахметьев Борис Александрович (1880-1950), последний посол Российской империи в США. Вместе с Н.К.Рерихом и П.А.Чистяковым входил в комитет по учреждению высшей школы на Дальнем Востоке, созданный в Нью-Йорке в 1921 г.

2. Угет С.А., агент Министерства финансов при Российском посольстве в Вашингтоне (1917-1929), оказывал финансовую помощь различным эмигрантским организациям в Америке, Европе и на Дальнем Востоке.

3. Гондатти Николай Львович (1860-1946), приамурский генерал-губернатор, начальник земельного отдела КВЖД (до 1925), видный общественный деятель в среде русской эмиграции в Китае; председатель Русского общественного комитета Пакта Рериха в Харбине (1934-1935).

4. Рерих Владимир Константинович (1882-1951), брат Н.К.Рериха. Участник Белого движения, сражался в армиях генерала Дутова и барона Унгерна. В эмиграции проживал в Харбине, сотрудник земельного отдела КВЖД.

5. Муромцев Илья Эммануилович (ум. 1954), муж кузины Елены Ивановны Рерих. В эмиграции проживал в США.

2

Харбин, 12 ноября 1923

Дорогие Наставники наши, Николай Константинович и Елена Ивановна,

Два дня тому назад мы получили бандероль с тремя книгами; внутри одной из них оказалось письмо Николая Константиновича и четыре Знака. Вчера вечером Владимир Константинович зашел провести с нами вечер и остался у нас на сегодняшний день (воскресенье). И вчера, и сегодня почти единственной темой наших душевных бесед было Ваше письмо, Ваша книга и Ваши наставления. Сейчас мы остались с Владимиром Константиновичем вдвоем, и, естественно, нам захотелось войти с Вами в общение хотя бы посредством письма. Каждый из нас, разумеется, сочтет своим долгом написать Вам отдельное письмо с изложением своих дум, запросов и надежд. Сейчас, не ожидая подробного ознакомления с Вашей книгой, нам хочется поговорить с Вами на общую тему о том, к чему мы стремимся и чего ожидаем от Вашей помощи.

Все Ваши указания относительно порядка чтения и мысленного сосредоточения мы, конечно, постараемся выполнить по мере наших сил. Все наши наблюдения и переживания в состоянии душевного сосредоточения мы будем сообщать Вам, дабы Вы могли следить за нашими достижениями. Индия кажется нам ближе, чем Париж или даже Америка,¹ и нам хотелось бы верить, что у Вас найдется возможность хоть изредка издали руководить нами.

Спаянные в данный момент общностью наших целей и интересов, мы подходим к работе с Владимиром Константиновичем с различными настроениями. У него — терпеливая уверенность в достижении намеченной цели, хотя бы с потерей времени и через ряд ошибок; я склонен останавливаться на каждом шагу, чтобы взвесить целесообразность наших усилий, и больше всего боюсь разочарования, вследствие неправильно принятого курса. Разлагающе действует во мне приобретенная в результате школьных занятий философскими науками привычка к скепсису. Я сознаю, что временами я не нахожу удовлетворения в Ваших указаниях: они кажутся мне иногда чересчур неопределенными и субъективными. Но... навстречу сомнениям встает всегда память о личном моем знакомстве с Вами и моих личных наблюдениях над Вашей жизнью. Всякий раз приходится сознаться, что Вы живете так, как учите, и что Учение, столь чудесным образом преобразившее Вашу жизнь, не может быть сознательным или даже бессознательным заблуждением. Поэтому я, не склонный ничего принимать на веру, говорю себе в такие моменты словами Блаженного Августина: «Credo, quia absurdum»².

С точки зрения этого моего личного опыта, я с ненасытным интересом буду читать Вашу книгу. Я говорю «буду», так как я скупой отмеряю себе на каждый день высокое наслаждение находить душой всё новые пути к сближению с Вами, постепенно погружаясь во внутренний Ваш мир, так зачаровавший меня в Нью-Йорке. Книга Ваша для меня — прежде всего человеческий документ, Ваш дневник, раскрывающий Ваши переживания, надежды, мольбы, подчас даже колебания... Подходя к книге с такой индивидуальной, субъективной меркой, я в каждом изречении Учителя вижу прежде всего ответ на какой-то Ваш вопрос. Возможно, что это и не совсем так, но для меня доставляет огромное удовольствие дополнить своим воображением то, что осталось невысказанным: в этом особенная для меня ценность книги (я точно читаю между строк то, что ускользнет от взгляда случайного читателя).

Знаки Ваши мы сохраним и без Вашего разрешения никому их не выдадим. Лично я боюсь надеяться на возможность чрез посредство сосредоточения над этим знаком получить какие-либо откровения. Если даже после нескольких минут упорного сосредоточения и блеснет в сознании какая-либо мысль, то ведь это же будет простая проекция в плоскости моего сознания какого-то результата подсознательной работы моего «я», так называемая «экстериоризация» мысли, лежащая в основе всяких спиритических феноменов. У меня не будет, однако же, уверенности в объективной ценности творимых таким путем откровений...

На этом я пока заканчиваю настоящее письмо, еще раз оговариваясь, что Владимир Константинович не разделяет моего скепсиса, которым я, кстати сказать, и не пытаюсь его заразить, ибо не хочу причинять ему лишних страданий.

Бога ради, не покидайте нас своими наставлениями и подкрепите нашу веру!

Искренно, всей душой желаю Вам на пороге таинственной страны всякого успеха.

Всей душой Ваш.

П. Чистяков

P. S. Вторую страницу этого письма пришлось писать в отсутствие Владимира Константиновича, почему и нет его подписи. Он пишет отдельно.

1. По пути из Америки в Индию Рерихи на несколько месяцев задержались в Европе. 17 ноября 1923 г. они отплыли из Марселя на пароходе «Македония» и 30 ноября прибыли в Бомбей.

2. Credo, quia absurdum (лат.) — Верую, ибо это абсурдно.

3

Харбин, 19 декабря 1923

Дорогой Николай Константинович,

Сегодня по старому церковному нашему стилю 6-е декабря, день Вашего Ангела. Большую половину этого дня мы провели с Владимиром Константиновичем вместе, и сейчас нам захотелось послать Вам наши душевные поздравления и лучшие пожелания. Елену Ивановну и детей поздравляем с дорогим именинником.

Мы надеемся, что Ваше путешествие по океану сошло благополучно, и Вы остановились уже в Калькутте, куда мы адресовали наши письма. Оба мы с крайним нетерпением ожидаем от Вас весточки и дальнейшего руководства. В попытках внутреннего сосредоточения мы оба потерпели пока неудачу. Владимир Константинович почти всё это время провел в служебных разъездах и имел за это время кучу мелких, хоть и несущественных, неприятностей. Для меня это время тоже принесло массу хлопот и забот, большею частью материального характера, отвлекших меня совершенно в другую сторону. Жизнь наша в Харбине вообще дает мало возможностей уйти в себя и сосредоточиться. Русская колония расслоена и занимается злобными дрязгами и пересудами. Всё приносится в жертву золотому тельцу. Безрадостный фон нашего существования еще больше омрачается нашим бесправным положением в Маньчжурии, где китайцы беззастенчиво и грубо уничтожают последние следы русского влияния в крае. Вам, вероятно, известно уже, что в августе месяце китайцы неожиданно решили отобрать у Китайско-Восточной железной дороги ее земли и уничтожить так называемый Земельный отдел дороги, в котором работает Владимир Константинович. Правда, местные иностранные консулы вступились за права дороги и наложили свои печати на документы Земельного отдела. Китайцы, однако, не унялись, и до сих пор Земельный отдел не в состоянии приступить к своей нормальной работе. Эта неопределенность положения страшно отражается, конечно, на нас всех. Не удивляйтесь, поэтому, что мы с Владимиром Константиновичем часто мечтаем выбраться из Харбина, чтобы зажить хоть и трудовую, но свободную жизнью. Я серьезно думаю, с весны будущего года, если положение не изменится к лучшему, эмигрировать в Америку, пока есть еще силы для физической работы. Владимир Константинович живет надеждой, внушенной ему Вашими словами о великом будущем Сибири, и не намечает пока ничего конкретного для своего будущего, хотя и не менее моего мечтает также об «исходе» из Китая.

Вам понятно, конечно, что при таком настроении мы оба с Владимиром Константиновичем страстно ждем от Вас весточки, которая всегда отвлечет нас от наших тяжелых дум, принесет нам бодрость и даст возможность терпеть... в ожидании лучшего. Не забывайте же нас!

Искренно Ваш всей душой.

П. Чистяков

Харбин, 18 мая 1924

Дорогая Елена Ивановна,

От всей души поздравляю Вас с днем Вашего Ангела и желаю Вам дальнейшего роста духовного.

Я с особенной радостью спешу воспользоваться привилегией обратиться непосредственно к Вам, так как в последние недели внешняя обстановка моей жизни особенно удручала меня и вызвала потребность в поддержке более сильного. Ваше же участие в моей жизни всегда сопровождалось для меня какой-нибудь радостью! Я припоминаю особенно живо, как Вы спасли меня от поездки в Вашингтон (в конце января 1922 г.). Теперь я тоже верю, что Ваше участие принесет мне помощь и даст мне душевный мир. Я верю, я хочу этому верить! Ведь «чем глубже скорбь, тем ближе Бог».

На днях я виделся с о. Иннокентием Петелиным¹, законоучителем Коммерческого училища, о котором я как-то уже писал. По поручению Николая Константиновича, я передал ему присланную для него книгу. Его первое впечатление о ней: в ней много библейских и святоотеческих мотивов. Он собирается в начале июня уехать на глухую станцию и взять с собой эту книгу и несколько любимых им трудов епископа Феофана. Он обещал написать Вам искреннее письмо как людям, родным по духу. По его представлению, Вы — неутомимые «искатели Бога». Так это?

Как странно, что в Харбине, окончательно превратившемся в самый гнусный вертеп, среди эпикурействующих людей, привыкших жить интересами только текущего дня, остались затерянные как в океане души, тоскующие по вечному и бессмертному!

Я не знаю, удастся ли о. Иннокентию окончательно освободиться от узостей нашего конфессионализма, в котором он вырос. Поэтому попытайтесь отнестись возможно снисходительнее к задуманному им письму. Всё, что он напишет, будет исходить от чистого сердца!

Есть в Харбине другой священник — о. Николай Вознесенский², ученый человек, автор многих учебников по религиозным предметам, глубоко верующий и так же, как и о. Иннокентий, вполне искренний. Сдвинуть его из круга заученных им и накрепко усвоенных идей — почти невозможно. Впрочем, я и не пытаюсь никогда разубеждать в чем бы то ни было своих собеседников, раз вижу, что высказанное ими мнение является их искренним убеждением. Нельзя ведь думать, что к истине ведет только одна дорога. Дорог — много, но вопрос — которая из них прямее (и короче).

Отец Николай, зная мой интерес к мистике и оккультизму, предложил мне прочесть на организованных им «Высших Богословско-философских курсах» ряд лекций об оккультизме, теософии, антропософии и прочих изгибах мистики. Я, разумеется, отказался, так как положительно чувствую себя в этой области полным профаном.

К Розенкрейцерам я не хожу уже более года (после того как Николай Константинович сообщил в одном из своих писем, что «нам с Р. не по пути»). Книг нет, да из книг ничего нельзя почерпнуть. Нужно живое руководство. И я верю, что рано или поздно найду своего руководителя.

19²⁷/_{VI} 24.

Дорогие Петр Александрович и Валодъ, письмо Ваше
очень тронуло меня. Самые радостны, нежные и искренны
соображения, которыми вы владеете, и в то же время
иногда. Сделана все возможное, при раздумии все уже
лишь, если, если не удовлетворитесь, то опять вы поднимаете
еще раз инициативу в духе Валодъ. Но формулы инициативы
и духу инициативы относятся к - 1). Мы ourselves даем
нам то, что будет разрешено. 2). Мы ourselves даем
лучше, и в себе же мы ourselves выставляем цензора или
самого себя (письма часто приводятся в печать).
3). Мы ourselves ставим свои вопросы. 4). Я задала вам
как раз писание. Письма будут по очереди А.К. и Д.
Для начала повторю, уже и в то же время Ваше формулы -
"Оставьте все предразсудки, пишете свободно". Формула
этого духа инициативы не только не устала, но осознала весь дух
инициативы Валодъ и проведена в жизнь. И написана еще, что
религиозный предразсудок самая большая опасность,
и в христианской литературе не в храни, но в духе будет по
лишь. Ваша задача при работе духа руководить
- безотрашию, Красота и простота. Простота - безотрашию
и инициативы водителем, Красота - инициативы инициативы,
Простота - инициативы инициативы тайных дверей инициативы.
Не забудьте и о задаче инициативы. Помните, задача
и инициативы, что и в инициативы, и в инициативы

Автограф письма Е.И.Рерих
к П.А.Чистякову и В.К.Рериху. 27 июня 1924

Ваша книга будит мысль, создает порыв, но еще не дает конкретного руководства. Я умоляю Вас и Николая Константиновича дать нам это конкретное руководство! Жизнь ведь не останавливается, и каждый потерянный день придется впоследствии оплакивать.

Искренний привет мой и лучшие пожелания Николаю Константиновичу и Вашим «Светикам» — Вашей законной гордости.

Всей душой Ваш.

П. Чистяков

1. Петелин Иннокентий Степанович (1883 – после 1948), священник, окончил Иркутскую духовную семинарию. С 1905 г. в Маньчжурии, зав. церковным отделом КВЖД, член Харбинского епархиального совета; настоятель Свято-Алексеевской церкви. С 1934-го преподаватель богословского факультета Института им. Святого князя Владимира в Харбине, выделялся обширными знаниями и даром слова. В 1948 г. арестован, в декабре 1949 осужден на 25 лет.

2. Вознесенский Николай Федорович (1871-1947), родился в Курске. В 1898 г. окончил Московскую Духовную Академию, кандидат богословия. С 1909 — протоиерей Николай. В 1917 эмигрировал из Благовещенска в Харбин; преподаватель Коммерческого училища КВЖД, Русского юридического факультета и декан богословского факультета Института Св. князя Владимира; настоятель Иверской церкви в Харбине. В 1934 принял монашество с именем Димитрий. С 1934 — епископ Хайларский, с 1944 — архиепископ. В сентябре 1946-го вернулся в СССР.

5

31 августа 1924

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович,

Мне очень горько, что обстоятельства моей жизни за последнее время сложились так неблагоприятно, что всё внимание и все усилия мои направлены на самую прозаическую борьбу за существование, заботу о завтрашнем дне и думы о семье. Душа у меня болит. Чувствую, что всё переживаемое — тяжелое испытание, которое нужно перенести. Не знаю, хватит ли сил: уж очень я был раньше избалован жизнью!

На письмо Елены Ивановны¹ я мечтаю ответить подробно и искренне после отъезда сына в Прагу и уложения некоторых материальных вопросов, поглощающих теперь всё мое внимание. Я знаю, что мне нет оправданий за слабость моей воли: я не могу сейчас подняться духом над прозой жизни. Чувствую ясно, что становлюсь пленником своих же собственных дум и забот о завтрашнем дне.

В прежнее время в тяжелые моменты я как-то умел успокаивать себя и настраивать себя на оптимистический лад. Теперь вся обстановка жизни так мрачна и уныла, что подчас душой овладевает полное отчаяние и уже не находишь в себе веры в лучшее будущее. Зачастую я заражаю своим настроением и Владимира Константиновича. Поддержите нас, воскресите в нас надежду на лучшее будущее!

Всей душой преданный Вам.

П. Чистяков

1. По-видимому, речь идет о письме Е.И.Рерих к П.А.Чистякову и В.К.Рериху от 27 июня 1924 г. Письмо (с комментариями Асеева) опубликовано в кн. «Е.И. Рерих, Н.К. Рерих, А.М.Асеев. Оккультизм и йога. Летопись сотрудничества», М.: Сфера, 1996. Т. II. С. 203-215.

6

4 ноября 1924

Дорогой Николай Константинович,

Внешние условия моей жизни складываются так неблагоприятно, что всё внимание и все усилия свои поневоле приходится сосредоточивать на заботах о завтрашнем дне. Для внутренней духовной работы над собой не хватает ни времени, ни сил. В предшествующие годы моей жизни у меня тоже были целые периоды бездельного и безрезультатного прозябания, точно вычеркнутые вовсе из моего календаря; но никогда еще такого рода периоды не затягивались на столь долгий срок.

13 октября я проводил из Шанхая в Прагу своего сына. Мне казалось, что я смогу после этого придти, наконец, в себя и отдохнуть душой. Но последние события на КВЖД. так перепутали опять мои карты, что был момент, когда я хотел вернуть сына с пути: гнетущая неопределенность положения заставляет теперь усилить прежние заботы и опасения и направить их на два фронта (вместо прежнего одного).

Без преувеличения говорю, что в тяжелые минуты болезненных опасений за будущее сверкает мне где-то в туманной дали, точно маяк, Ваш спокойный уверенный голос, внушающий надежду на лучшее будущее. Ах, как хочу я Вам верить!

Сегодня церковный праздник (Иконы «Казанской» Божией Матери), и мы большую часть дня проводим вместе с Владимиром Константиновичем. С утра мне попались два выпуска (страниц по 16 среднего формата) «Лекций по оккультизму» некоего В. Пьянковича. Задумал он издать в Харбине «Полный, подготовительный к изучению арканов курс, читанный на младшей ступени эзотерического Кружка Креста Розы в 1923-24 году». Всего предположено 11 выпусков (22 лекции). Мы постараемся на днях выслать Вам вышедшие уже лекции. Сам автор — бывший полковник, потерявший зрение. Где и когда он читал эти лекции, я пока не знаю. Но личность его и колоссальная начитанность возбудили во мне большой интерес, и я при первой же возможности постараюсь с ним познакомиться. В предисловии к курсу автор пишет, между прочим, (отмечая крайность современной культуры материализма) — «Золотой век недалек и надолго обеспечит человечеству избавление от адских сил, всегда и неизменно ловящих его на одну и ту же удочку материалистических утопий земного рая».

О своих впечатлениях от знакомства с г. Пьянковичем я не замедлю Вам сообщить.

С неделю тому назад произошло у нас с Владимиром Константиновичем знакомство с горным инженером Грамматчиковым¹. Он, оказывается, искал давно знакомства со мной, желая узнать от меня (и проверить таким путем и свои личные выводы и впечатления) причину, по которой я вышел в прошлом году из состава

«филоматического общества», о котором я писал Вам в свое время весьма подробно (Розенкрейцеры американской школы). Он мне показался по первому впечатлению человеком искренно ищущим, и я пригласил его провести у нас вечер вместе с Владимиром Константиновичем. Занятия у Розенкрейцеров его так же мало удовлетворили, как и меня в свое время. В первый же вечер нашего знакомства я прочел (вернее, перевел) воспоминания Конан Дойля о его спиритических увлечениях (из мартовской книжки «Pearson's Magazin»). В pendant² к статье Конан Дойля, Грамматчиков в великолепной сжатой форме изложил нам содержание книжки д-ра Котина. Затем я рассказал о знакомстве с Вами и, как мог, весьма осторожно коснулся Ваших достижений.

В один из следующих вечеров, когда мы опять соберемся втроем, я, с согласия Владимира Константиновича (которому Грамматчиков тоже внушает доверие) познакомлю его с некоторыми из Ваших литературных работ. Грамматчиков, в свою очередь, обещал нам изложить содержание полученной им от меня книги Хинтона — о четвертом измерении. «Популяризировать» эту книгу ему, разумеется, будет легче, как математику.

Как видите, впрочем, дорогой Николай Константинович, идем мы без руля и без компаса. Нет, поэтому, и системы в наших (правду сказать, весьма нерегулярных) занятиях, и результатов мы мало видим. Ведь это напоминает мне «любительское» богоискание 1903-05 гг. в Петербурге. Не изумляйтесь и не судите меня строго за то, что, невзирая на Ваше указание, что «с Розенкрейцерами нам не по пути», я всё же посоветовал В.Н.Грамматчикову продолжать пока его занятия (т.е. слушание лекций) у Розенкрейцеров. Мы с ним — люди старой школы, ищем системы, дабы можно было «осязать» результаты наших исканий. Я понял, что В.Н.Грамматчиков ищет плана внутренней духовной работы. Помочь ему в этом я не мог и потому не решился отговаривать его от слушания хоть и не вполне удовлетворительных, но всё же систематических лекций у Розенкрейцеров.

Кстати, я припоминаю теперь, что в кружке американской школы Розенкрейцеров в Харбине (где я был некоторое время) имя Пьянковича, о лекциях которого я упоминал выше, произносилось с большим по его адресу негодованием.

Надеюсь, что наши письма застанут Вас в Нью-Йорке и придут как раз к «Зимнему Микеле», спешу от всей души поздравить Вас с днем Вашего Ангела и пожелать Вам успехов и в Вашей жизни, и в Вашем творчестве.

Искренно и всей душою преданный Вам.

П. Чистяков

1. Грамматчиков Василий Николаевич (1865-?), в эмиграции проживал в Харбине. (См. о нем очерк «Семидесятилетие» в кн.: Николай Рерих. Листы дневника. Т. 1. М., 1995, 1999.) Его сын, Николай Васильевич Грамматчиков, принимал участие в Маньчжурской экспедиции Н.К.Рериха (1935).

2. Pendant (англ.) — дополнение.